

Приходите в «Ленком»

(Оскарали. Начало на 1-й стр.)

Недорогие билеты, дорогой театр

— Марк Анатольевич, добрый день. Это Юлия Галина Николаевна, большая поклонница настоящего искусства и любительница вашего театра. Скажите, вот я уже давненько не была у вас, какая сейчас стоимость билета в ваш театр?

— У нас непрестижная цена — мы ее выше отметки 100 рублей не поднимаем. И это касается только первых рядов, а дальше у нас идет по убывающей линии до 30—20 рублей. То есть мы в этом отношении очень бережем наш контингент, студенческий и пенсионерский. В этом нам помогают московское правительство и спонсоры.

— С вами говорит Петр Лихолитов из Москвы. Я хотел бы узнать, как вы относитесь к спекулятивным билетам в «Ленком». Я знаю, что из дешевой билетной дорожки это все делается довольно нагло, почти на глазах у всех, рядом с театром.

— Это очень большая тема, мы обращались в свое время в правоохранительные органы, чтобы нам помогли. Но заинтересовать их борьбой с теневым рынком билетов как-то не удается, очевидно, у них есть более важные и насущные дела, с которыми они не всегда справляются. Кроме того, мы ставим на своих билетах штампы с надписью, что они не могут стоить дороже 100 рублей.

Актриса, дочь режиссера

— Саша, добрый день. Скажите, пожалуйста, каковы ваши творческие планы, можно ли вас увидеть в ближайшее время в спектаклях или вы в кино будете сниматься?

— Да. Мы начали работу над пьесой Горина «Шут Балакирев», где я репетирую роль Екатерины I. Здесь у меня совершенно замечательные партнеры: Олег Янковский — Петр I, Николай Караченцов — Меншиков. Еще я утверждена на роль в фильме. Это детективный сериал, который ставят на «Мосфильме» Краснопольский и Усков. Роль интересная, и я очень счастлива.

— Хорошо, прекрасно. Желаю вам больших успехов.

— Саша, мне очень нравится все ваша актерская работа. Вы счастливы или нет как человек?

— Есть замечательная фраза: «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Я не знаю. Наверное. Родные и близкие люди у меня живы и здоровы, и слава богу.

— Судя по экрану, вы такая энергичная и активная. Так же и «по жизни»?

— Не знаю. Это надо спрашивать людей, которые меня видят со стороны, а я не знаю.

— А какие у вас отношения с отцом?

— У меня отец достаточно важный человек, и меня его авторитет просто убивает. Я не могу с ним разговаривать на равных. У меня был такой опыт: папа снимал фильм «Дом, который построил Сяифт», где я играла свою первую роль (я тогда училась на втором курсе). На площадке, в работе, не слишком задумывалась, как к кому обращаться. Сделали перерыв, все вышли в коридор, и я не зная, как обратиться к отцу. Дома: папа-папа. А тут. Я и брякнула: эй, ты, иди сюда, дай рубль. С тех пор мне дома я пишу Марк Анатольевич. В театре мои дела складываются по-разному. Я пришла в «Ленком», и долго не играла. Сейчас играю. Однажды мне повезло: появился Глеб Панфилов, поставил «Гамлета». Пригласил меня на роль.

В другие театры хожу не без усилий

— Марк Анатольевич, меня зовут Ксения Нина. Я люблю ваш театр и всех ваших актеров.

Как вам удается успешно совмещать творческую работу с деятельностью публициста и политика?

— Я не знаю, достоинство это или недостаток. Некая политизация сознания — она в природе тех называемых шестидесятников, к которым я себя отношу.

— Повество. Вот вы сами ходите в другие театры?

— Я вам честно скажу: хожу, но это требует определенных усилий. Я хожу не ради удовольствия, а для того, чтобы просто знать, что делается в других театрах. Конечно, я не все смотрю, а только выборочно. Собираю как-то сведения.

— Я бы буду спрашивать, что вам понравилось. Каково ваше отношение к антрепризе? Это правильно — когда на сцене два стула, мятый задник, именитые актеры, а билеты очень дорогие?

— Чисто теоретически к антрепризе я отношусь хорошо. Во всяком случае, стараюсь относиться хорошо. Единственное, я считаю, что мы сейчас несколько дискредитируем это направление театральной жизни. Для спектакля нужен серьезный стартовый капитал. Нужно сделать хорошие декорации, хорошее оформление, хорошо заплатить артистам, сделать хорошую рекламу. А без этого — два стула и мятый задник...

— Всего вам самого доброго.

— Меня зовут Ирина, я из Москвы. Меня интересует: как вы относитесь к внешнему виду ваших зрителей? Часто я вижу в театре людей, одетых неадекватно, — а джентльмен, в каких-то тапочках. Есть и другая крайность — люди приходят на спектакль с сотовыми телефонами, постоянно раздается звонок.

— Сразу скажу про сотовые телефоны. Конечно, это все ужасно. Шла «Чайка», чеховская пауза и — звонок. В первом ряду человек объясняет, что сейчас тут один неудачник застрелится, все кончится, и он будет там, где его с нетерпением ждут. А что касается внешнего вида, то это не страшно.

— Какой-то контроль вы у себя не планируете устанавливать?

— Нет. По поводу одежды никакого контроля быть не может.

На связи читателей, связанных с критикой и полемиками в адрес журналистского отдела культуры, отвечает его редактор Юрий БОГОМОЛОВ.

— Юрий Александрович, неужели я прорвалась? Вас приветствует читатель «Известий» с 1948 года. Меня зовут Григорий Владимирович. Я постоянно читаю «Известия» и вижу, как она меняется к лучшему.

— Спасибо за добрые слова.

— Борис Степанович, офицер запаса, старый пенсионер и почетный член «Известий». С некоторых пор я замечаю, что вы злоупотребляете словом «экслюзивное». Как только интервью — так обязательно экслюзивное.

— Слово не нравится?

— Некрасивое слово, как-то намотско-дурацкое.

— Алло, можно задать вам два вопроса?

— Да. Простите, с кем я говорю?

— Меня зовут Галина Михайловна, я преподаватель вуза из Москвы. Первый вопрос у меня такой: что побудило «Известия» прекратить знаменитый воспе-ловский отстрел кумиров?

— А был ли отстрел? Был отстрел.

— Был отстрел!

— Не могу с вами согласиться.

— Вы действительно гордитесь тем, что у вас не нашлось на Шолохова ни одного слова, кроме этого лягания в статье о Бродском?

— Вы правы, в будущем мы постараемся вернуться к Шолохову и оценить его значение в отечественной культуре.

Юрий БОГОМОЛОВ

Отец говорит...

Дочь слушает...